

Шастина Елена Михайловна

"АНТРОПОЛОГИЧЕСКАЯ АНИМАЛИСТИКА" ЭЛИАСА КАНЕТТИ

В статье рассматривается своеобразие художественного мира австрийского писателя, лауреата Нобелевской премии Элиаса Канетти (1905-1994 г.г.), создавшего на страницах произведений разного жанра неповторимый "анималистический контекст". Автор статьи придерживается термина "антропологическая анималистика", поскольку Канетти через образы животных исследует природу человека. Отмечается, что в творчестве Канетти речь идет о различных манифестациях анимализма. С одной стороны, повествование о животных носит у Канетти мифологический характер, фигуры животных могут быть отнесены к разряду репрезентативных символов. С другой стороны, писатель обращается к миру животных для иллюстрации современного общества.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2014/3-2/55.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2014. № 3 (33): в 2-х ч. Ч. II. С. 200-203. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2014/3-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_phil@gramota.net

**EMOTIVE PHRASEOLOGICAL COMBINATIONS
WITH SOMATISMS IN KHAKASS LANGUAGE WORLD-VIEW**

Chertykova Mariya Dmitrievna, Ph. D. in Philology
Khakass State University named after N. F. Katanov
chertikova@yandex.ru

The article is devoted to the identification and description of somatic phraseological combinations in the Khakass language designed by a type "noun component – somatism + verb" and involved in the description of the various spheres of human emotional activity. The denomination of internal organs, when each of them has the specificity of figurative association, acts as a somatism. And as the elements of the national culture, these representations are encoded in certain lexical means, representing the most ancient layer of phraseology.

Key words and phrases: phraseological combinations; Khakass language; somatism; emotion; national specificity of perception.

УДК 821.112.2

Филологические науки

В статье рассматривается своеобразие художественного мира австрийского писателя, лауреата Нобелевской премии Элиаса Канетти (1905-1994 гг.), создавшего на страницах произведений разного жанра неповторимый «анималистический контекст». Автор статьи придерживается термина «антропологическая анималистика», поскольку Канетти через образы животных исследует природу человека. Отмечается, что в творчестве Канетти речь идет о различных манифестациях анимализма. С одной стороны, повествование о животных носит у Канетти мифологический характер, фигуры животных могут быть отнесены к разряду репрезентативных символов. С другой стороны, писатель обращается к миру животных для иллюстрации современного общества.

Ключевые слова и фразы: анимализм; анималистический мотив; анималистический контекст; превращение; мифологизация; авторский миф.

Шастина Елена Михайловна, д. филол. н., профессор
Елабужский институт Казанского (Приволжского) федерального университета
shastina@rambler.ru

«АНТРОПОЛОГИЧЕСКАЯ АНИМАЛИСТИКА» ЭЛИАСА КАНЕТТИ©

Опубликованная после смерти австрийского писателя Элиаса Канетти (1905-1994 гг.) книга «О животных» («Über Tiere») [15] представляет собой подборку фрагментов из разных по жанру произведений – романа «Ослепление», заметок, философского исследования «Масса и власть», коллекции миниатюр «Недреманное ухо. 50 характеров», книги «Голоса Марракеша», автобиографической трилогии. Выход книги не остался незамеченным, на страницах ведущих немецкоязычных газет и журналов появились первые впечатления от этой необычной книги, в большинстве своем хвалебные [16; 17; 18; 21]. Предпринятая составителями данной книги «селекция» не случайна, Канетти относился к «братьям меньшим» с благоговением.

Книга «О животных» является оригинальной литературной энциклопедией животных, которые наделены самыми различными свойствами, при этом «антропологическая» составляющая явно преобладает. Эпиграфом к книге взяты слова Канетти: «Immer wenn man ein Tier genau betrachtet, hat man das Gefühl, ein Mensch, der drin sitzt, macht sich über einen lustig» [15, S. 10]. / «Всякий раз, стоит внимательно понаблюдать за животным, возникает ощущение, будто человек, который сидит в нем, посмеивается над тобой» [4, с. 252].

В мировой литературе найдется немало примеров, когда писатели, изображая «правду жизни», прибегают к описанию животных. Знаменитая сказка английского писателя Дж. Оруэлла «Скотный двор» (1945 г.) предвосхитила послевоенный социальный опыт, создав модель диктатуры, которую «можно было не раз и не два наблюдать в действии под разными небесами, причем все это повторялось почти без вариаций» [2, с. 16]. В современной науке феномен анималистической литературы исследуется с различных точек зрения: с учетом жанровой принадлежности произведения, например, сказки [9], в аспекте когнитивной лингвистики [8] и т.д.

Канетти далек от простой социализации, обращаясь к миру животных, он создает собственную «антропологическую анималистику», свой художественный мир. Фигуры животных способствуют типизации черт человека, «освобождая» автора от излишней детализации, в то же время, автор, по мнению Х. Тиммерманна, создает такие зарисовки, что «каждое животное может восприниматься как человек» («jedes Tier als ein potentieller Mensch angesehen worden wäre») [22, S. 114]. Канетти выступает художником-анималистом в том смысле, что животные в его представлении оказываются существами, которые не уступают человеку ни в чем.

Как известно, анимализм, уходящий корнями в первобытное общество, обнаруживает связь с тотемическими мифами о животных, существование которых не может быть объяснено рационально, животные в той или иной степени свидетельствуют об «очеловечивании» природы. Канетти в первой книге автобиографической трилогии «Спасенный язык» («Die gerettete Zunge. Geschichte einer Jugend») описывает ряд событий, связанных с волком, который трансформируется в сказках болгарских девочек в образ вервольфа, модифицируется в сознании ребенка и приводит к тому, что тот не узнает своего отца в маске волка, приняв его за оборотня [5, с. 144-147]. Следует заметить, что Руцук (ныне Русе) – город, где появился на свет будущий лауреат Нобелевской премии (1981 г.), предстает в автобиографии как некое смоделированное пространство, «которое мифологизируется автором в соответствии с его мироощущением» [20, с. 58]. Восприятие действительности через мир животных позволяет вести разговор об особом мироощущении художника: «Er denkt in Tieren, wie andere in Begriffen» [15, S. 95]. / Он мыслит животными, как другие понятиями. (Перевод автора – Е. Ш.)

В послесловии к книге «О животных» немецкая писательница Б. Кронауэр указывает на двухмерность отношений Канетти к миру «братьев меньших» – беспомощное сочувствие (die Nähe hilflosen Mitgeföhls) и дистанцированное восхищение красотой форм (die Distanz einer kühlen Faszination durch Formen) [Ibidem, S. 109]. Не так ли читатель воспринимает толстовского Холстомера, сочувствуя и восхищаясь одновременно? Противопоставление человека животным в пользу последних является еще одной особенностью художественного мышления Канетти, который, «вглядываясь в человека глазами животного», часто выносит вердикт всему человечеству: «Придумать для себя, что похвального могли бы животные найти в человеке» [4, с. 268]. Животные способны смотреть человеческими глазами, в то время как человек способен превращаться в животное, животные у Канетти человечнее людей: «Человек: животное, замечательное, что убивает» [Там же, с. 257]. В «Заметках» Канетти встречаются так называемые «перевертыши» (Umkehrungen), в которых это противопоставление возведено в абсолют: «Пес снял с хозяина намордник, но оставил его на поводке» [Там же, с. 304]. Ситуация абсурда усиливается также при толковании названия книги заметок Канетти «Мушинные муки», когда читатель узнает о «виновнице» мушиных мук [13, S. 128], создающей ожерелья из живых мук и испытывающей при этом почти наслаждение.

В 1936 году Канетти сформулировал важные идеи об ответственности писателя перед «большим временем». Благодаря «анималистической метафоре» Канетти удалось в присущей ему самобытной манере сказать о назначении художника: «настоящий писатель, каким мы его себе мыслим, всегда во власти своего времени, он его слуга, его крепостной, его последний раб. <...> И если бы в таком сравнении не было смешного оттенка, я бы сказал просто: он пес своего времени» [3, с. 24].

Рассказывая историю своего детства, Канетти прибегает к противопоставлению, которое проливает свет на трудно складывающиеся отношения сына и матери. Два мира – мир матери без животных (tierlose Welt der Mutter) и мир ребенка, который испытывает «голод», тоску по животным (ausgehundert nach Tieren) – не пересекаются [15, S. 107]. Не случайно, что в романе «Ослепление» [7] нет описаний природы, животные как часть фауны также не упоминаются. Мир человека без животных, как уже отмечалось ранее, лишен человечности. В то же время, автор часто использует метафорические высказывания, в которых фигурируют животные. Так, для главного героя романа Петера Кина его жена Тереза – «злая кошка», «кровожадный тигр», в ее глазах он – «побитая собака». Превращение кровожадного тигра в прекрасную девушку отсылает читателя к китайской мифологии, что логично влетает в повествование, поскольку Петер Кин – синолог, «главный китаист» своего времени. Отставной полицейский, садист Пфафф, который забил до смерти жену, именуется «рыжим котом», он не скрывает своего желания расправиться со всеми неудобными: «Пусть мыши знают свою нору! Я рыжий кот. Я загрызу их» [Там же, с. 461]. По мнению Георга, брата Петера Кина, успешного врача, Пфафф «хищный зверь», «лев в логове», который не говорит, а рычит. В итоге Пфафф становится владельцем зверинца, его мечта сбылась, и это закономерно.

Аллегорическая фигура кошки трансформируется в романе «Ослепление» в образ ягуара, тигра, рыжего кота; череда превращений распространяется и на других действующих лиц. Георг, незадолго до встречи с братом, видит во сне двух петухов – «тот, что побольше, был красный и слабый, тот, что поменьше, – холерный и хитрый» [Там же, с. 517-518]. В «сценарии сна» проецируются дальнейшие события, разворачивающиеся на страницах романа, споры старшего брата – «красного петуха» – с младшим братом – «маленьким петухом» – приводят к логической развязке повествования – герой гибнет в огне вместе со своей бесценной библиотекой. Очевидна переключка, проводимая с архетипическим мотивом «огонь», который в данном эпизоде ассоциируется с «красным петухом».

Канетти часто обращается к метафоризации имен животных в различного рода сравнениях – при описании внешности человека, его характера, при характеристике явлений общественной жизни, поскольку «человек» для него больше не чудо. Чудо для него «животное» [6, с. 356]. С. Аверинцев, создавая образный портрет Г. Гессе, приходит к выводу, что «у каждого поэта – своя анималистическая геральдика», отсюда неудивительно, что «Гессе знал родство своей повадки с повадками кошки и птицы» [1, с. 327]. Канетти сравнивает известного современника Г. Броча с «большой и красивой птицей», но эта птица с подрезанными крыльями, глядя на которую, видишь, что она живет воспоминаниями о времени, когда еще могла летать (einen großen, schönen Vogel, aber mit gestutzten Flügeln) [12, S. 27-28].

Его животные – мифические существа, без которых человеческая жизнь в полном смысле этого слова невозможна: «У тебя ни одного друга среди животных. Полагаешь, что это жизнь?» [6, с. 352]. В книге «Голоса Марракеша» («Die Stimmen von Marrakesch») в первой главе, которая называется «Встречи с верблюдами» («Begegnungen mit Kamelen») [14, S. 7-17], речь идет о жестоком обращении человека с животными, безграничная власть человека над животными перерастает у Канетти в глобальный конфликт, гротеск Канетти заключается в его обостренном восприятии мира, когда ничего нельзя сгладить и скрыть, напротив, описываемые события максимально драматизируются, возникает особое напряжение, передающееся читателю.

Для австрийского писателя главной парадигмой человеческой деятельности выступает «охота», которая является проекцией всех основных антропологических категорий, таких как «масса», «власть», «превращения», «выживание». Способность человека к метаморфозам, различного рода превращениям является чертой, отличающей его от животного. Художник также «охотник», но его трофеи иного рода. Он охотится за впечатлениями – увиденными и услышанными, он «хранитель превращений» (Hüter der Verwandlungen). Будучи, по сути своей, протейским писателем, Канетти в течение долгой жизни неустанно демонстрировал различные формы превращения – от непризнанного гения до лауреата Нобелевской премии [19].

В книге «Масса и власть» Канетти подробно останавливается на описании различных проявлений массы, его зарисовки отличаются яркой образностью. В романе «Ослепление» о массе, от имени Георга Кина, говорит сам автор. «Чудовищное, дикое, могучее и жаркое животное, она бродит в нас всех, она бурлит в глубинах куда более глубоких, чем материнские. Несмотря на свою древность, она – самая молодая живая тварь, самое важное творение земли, ее цель и ее будущее» [7, с. 440].

Канетти, высоко ценивший творчество Ф. Кафки, приводит при характеристике своего кумира интересное наблюдение, полагая, что некоторые из рассказов Кафки будто сами просятся в китайскую литературную традицию. «Китайский» аспект Кафки, по его мнению, можно усмотреть во многом: в совершенно особой окраске его ритуализма, в интересе к насекомым и вообще маленьким животным, в склонности их увеличения [11, с. 204]. Канетти как бы в очередной раз подтверждает мысль о существовании «анималистического» мироощущения художника, уходящего вглубь культур, в мифологию. Мифологизация является важной чертой художественного мира писателя, который стремился не только «оживить» старые мифы, но и создать свои собственные. Мифы для героев Канетти, как и для самого автора, не являются чем-то древним, напротив, в них сосредоточена память человечества, они современны, поскольку вечны. Мифотворчество писателя коснулось также его биографии, тот «биографический миф», который существовал при жизни писателя, вступил сегодня в стадию демифологизации. Многие факты биографии прочитываются сегодняшним читателем по-иному (см. об этом подробно [10]).

В настоящий момент масштабность личности Канетти не вызывает у исследователей сомнений, его «творческая лаборатория» являет собой пример самобытности, особый характер мифологического восприятия действительности позволяет включить в канеттиевскую систему координат животный мир, благодаря которому писателю удалось многое сказать о человеке.

«Антропологическая анималистика» выступает одним из специфических признаков стиля писателя и находит свое проявление в его творчестве на разных уровнях: от фаунистической символики, когда изображение животного является художественным приемом, усиливающим общую образность литературного текста, до функционирования образов животных в виде репрезентативных символов, включенных в систему авторских мифологем, при этом в обоих случаях объектом изображения является человек. Образы животных помогают типизации необходимых черт, воспроизводя своеобразную модель человеческого поведения.

Список литературы

1. Аверинцев С. С. Поэты. М.: Школа «Языки русской культуры», 1996. 364 с.
2. Зверев А. Неудобный собеседник // Дж. Оруэлл. Скотный двор: сказка, эссе, статьи, рецензии / пер. с англ.; сост. и предисл. А. Зверева. М.: Известия, 1989. С. 5-17.
3. Канетти Э. Герман Брех / пер. С. Шлапоберской // Человек нашего столетия. М.: Прогресс, 1990. С. 22-34.
4. Канетти Э. Из книги: «Заметки. 1942-1972» / пер. С. Власова // Человек нашего столетия / пер. с нем.; сост. и авт. предисл. Н. С. Павлова; коммент. Р. Г. Каралашвили. М.: Прогресс, 1990. С. 250-309.
5. Канетти Э. Из книги: «Спасенный язык» / пер. Г. Туралиной // Человек нашего столетия / пер. с нем.; сост. и авт. предисл. Н. С. Павлова; коммент. Р. Г. Каралашвили. М.: Прогресс, 1990. С. 141-173.
6. Канетти Э. Из книги: «Тайное сердце часов. Заметки 1973-1985» / пер. С. Власова // Человек нашего столетия / пер. с нем.; сост. и авт. предисл. Н. С. Павлова; коммент. Р. Г. Каралашвили. М.: Прогресс, 1990. С. 310-358.
7. Канетти Э. Ослепление: роман / пер. с нем. С. Апта; предисл. Д. Затонского; коммент. Т. Федяевой. СПб.: Симпозиум, 2000. 597 с.
8. Коблякова Г. А. Анималистическая литература // Альманах современной науки и образования. Тамбов: Грамота, 2010. № 12 (43). С. 208-210.
9. Мостепанов А. А. Анималистический жанр в английской литературной сказке XX века: автореф. дисс. ... канд. филологических наук. Воронеж, 2011. 23 с.
10. Шастина Е. М. Биография Элиаса Канетти: миф или реальность? // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2013. № 2 (20). С. 209-213.
11. Шастина Е. М. Рецепция китайской культуры в творчестве Элиаса Канетти // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2013. № 8. Ч. 2. С. 200-205.
12. Canetti E. Das Augenspiel. Lebensgeschichte (1931-1937). Frankfurt a/M: Fischer Taschenbuch Verlag, 1994. 306 S.
13. Canetti E. Die Fliegenpein. Aufzeichnungen. Frankfurt a/M: Fischer Taschenbuch Verlag, 1995. 143 S.
14. Canetti E. Die Stimmen von Marrakesch. Aufzeichnungen nach einer Reise. München: Süddeutsche Zeitung – Bibliothek. 2004. 110 S.
15. Canetti E. Über Tiere. Mit einem Nachwort von Brigitte Kronauer. München – Wien: Carl Hanser Verlag, 2002. 119 S.
16. Macho Th. Als Kant eine Schwalbe in Händen hielt // Literaturen. 2002. H. 4. S. 56-57.
17. Mosebach M. Packesel als Geheimnisträger // Frankfurter Allgemeine Zeitung. 2002. September 10.
18. Reiterer M. Verzauberung durch Tiere – Eine Poetologie der Verschiedenartigkeit // Literatur und Kritik. 2002. H. 365/366. S. 86-87.
19. Shastina E. E. Canetti and V. V. Rozanov: on the Type of a Protean Artist // Middle-East Journal of Scientific Research. 2013. № 17 (3). P. 300-304.
20. Shastina E. M. Space Mythologize in Elias Canetti's Autobiography // European Researcher = Европейский исследователь. 2013. Т. 38. № 1-1. С. 57-60.
21. Sofsky W. Das Schwein, der Mensch // Süddeutsche Zeitung. 2002. März 20.
22. Timmermann H. Tierisches in der Anthropologie und Poetik Elias Canettis. Höllerer, 1985.

ELIAS CANETTI'S "ANTHROPOLOGICAL ANIMALISM"

Shastina Elena Mikhailovna, Doctor in Philology, Professor
Elabuga Institute of Kazan (Volga Region) Federal University
shastina@rambler.ru

The article considers the originality of the artistic world of the Austrian writer, Nobel Prize winner, Elias Canetti (1905-1994), who created unique "animalistic context" on the pages of the works of different genres. The author of the article adheres to the term "anthropological animalism", as Canetti researches human's nature through animals' images. It is noted that in Canetti's creative works various manifestations of animalism are revealed. On the one hand, Canetti's narration about animals has mythological character; animals' figures can be attributed to the category of representative symbols. On the other hand, the writer refers to the animal world to illustrate modern society.

Key words and phrases: animalism; animalistic motif; animalistic context; transformation; mythologizing; author's myth.

УДК 8:821.161.1

Филологические науки

Статья посвящена проблеме описания понятия «поступок героя». М. М. Бахтин первым обратил внимание на нравственно-философский потенциал поступка как мотивированного «изнутри» личностного и ответственного действия. Новизна нашего подхода состоит в попытке представить такой неординарный феномен как архитектура мира с точки зрения поступка «ухода из мира».

Ключевые слова и фразы: литературный герой; поступок; «план мира»; архитектура мира поступка героя.

Швецова Татьяна Васильевна, к. филол. н., доцент

Северный (Арктический) федеральный университет имени М. В. Ломоносова (филиал) в Северодвинске
tavach@atnet.ru

«УХОД ИЗ МИРА» КАК НРАВСТВЕННЫЙ ПОСТУПОК В МИРЕ ГЕРОЕВ И. С. ТУРГЕНЕВА ©

На сегодняшний день в отечественном литературоведении не так много специальных работ, где рассматривается вопрос о положении литературного героя в мире его поступка. Среди них труды М. М. Бахтина [1], Ю. М. Лотмана [6], Н. И. Николаева [8], Н. В. Бубырь [3]. М. М. Бахтин определил ключевые моменты «события поступка» и предложил удачную и емкую формулу – «архитектура мира поступка» [1, с. 53]. В данном случае поступок выступает своеобразной призмой, позволяющей увидеть структуру художественного мира или «план мира».

Следуя логике рассуждений Н. И. Николаева [8, с. 174], литературный герой, принявший решение уйти из мира, совершает «активно-ответственный», ценностно-нагруженный, ориентированный в мире поступок.

По утверждению А. А. Богодэровой, в мировой литературе тема ухода является распространенной и устойчивой. «Судя по частоте использования, эта универсальная модель оказалась особенно актуальной для русской литературы второй половины XIX века» [2].

Ю. М. Лотман указывает на принципиальное отличие русского сюжета об уходе от европейского [6, с. 328]. Если для западного романа динамика сюжета – нахождение героем достойного места, то в русской литературе сюжет связан с изменением внутренней сущности героя. Развитие сюжетной ситуации ухода отражает эту закономерность: вместо положительных перемен собственной жизни герой переживает прозрение, приходит к определению своей внутренней сути.

Изучение сюжетной ситуации «ухода из мира» с привлечением сочинений И. С. Тургенева обусловлено интересом к проблеме поступка русского литературного героя.

В прозе И. С. Тургенева ситуация «ухода из мира» представлена в нескольких вариантах: уход из дома («Гамлет Щигровского уезда», «Накануне» и др.), отъезд из страны («Вешние воды», «Ася», «Накануне» и др.), отказ от прежнего образа жизни («Гамлет Щигровского уезда», «Странная история», «Постоялый двор», «Степной король Лир», «Рассказ отца Алексея» и др.), приход в монастырь («Дворянское гнездо»), принадлежность к секте («Касьян с Красивой Мечи»), уход из жизни.

Наиболее частотен вариант ухода – уход из жизни самостоятельным волевым решением (повешение – «Три встречи», отравление – «Несчастливая», «Отцы и дети», утопление – «Затишье», самозастрел – «Стэно», «Стук... стук... стук» и др.). Либо добровольный отказ от мира во имя служения другому: чужому или иностранцу («Накануне»), любимому мужчине («Дворянское гнездо», «Несчастливая», «Клара Милич»), юристовому («Странная история»), Христу («Живые мощи», «Дворянское гнездо»).

Встречается незначительное количество примеров, когда герои выбирают служение Богу, т.е. религиозное самоотречение, самую сложную и тяжелую форму ухода. Уход из мира в монастырь налагает ряд ограничений, запретов на выбравшего этот путь. Монастырская жизнь тяжела, требует больших лишений,